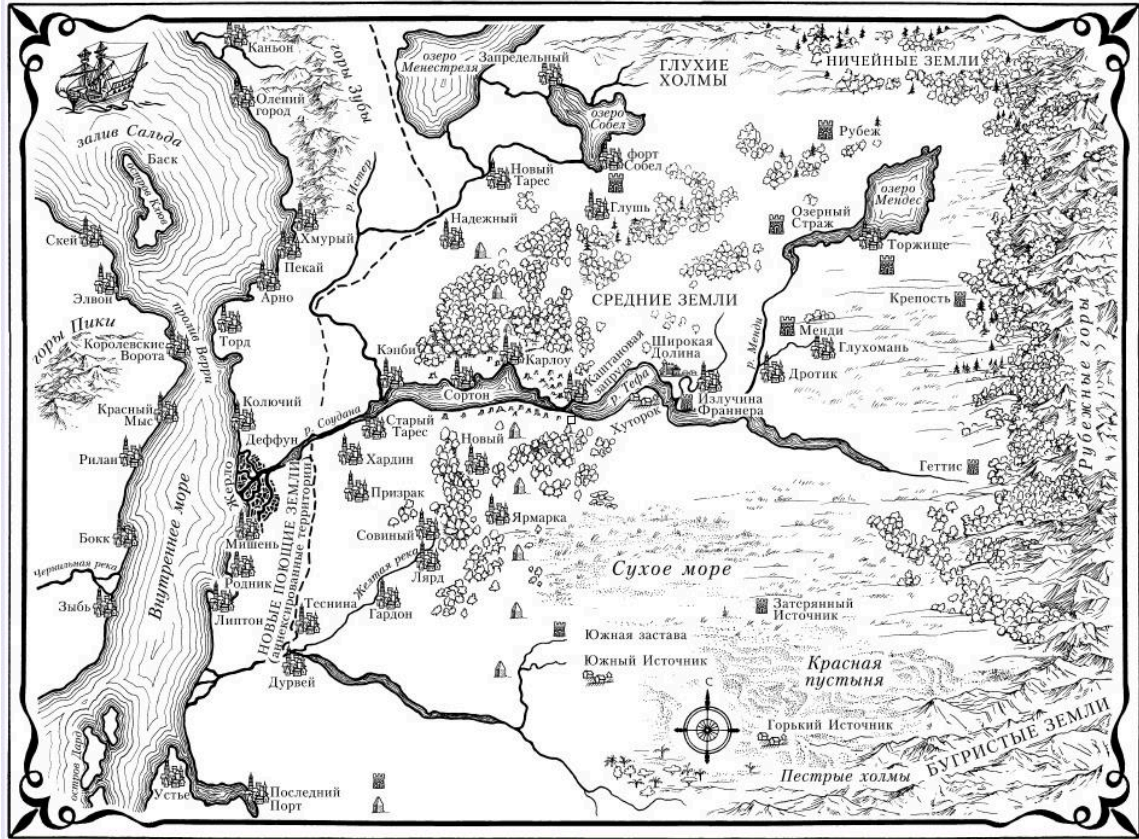

Я был глупцом, полагая, что у меня всегда будет возможность сделаться лучше. Всем известно, что жизнь человека способна оборваться в любой момент. Падение с лестницы, простуда или лихорадка, шальная пуля — от подобных вещей молодость не защитит. Человек может погибнуть по чистой случайности когда угодно. Наверное, какой-то частью сознания я знал об этом всегда, но не мог поверить всем сердцем.

Robin Hobb
RENEGADE'S MAGIC
Copyright © 2007 by Robin Hobb
All rights reserved

Глава 1

Гибель солдата

На суде я не произнес ни слова в свою защиту.

Я стоял за загородкой, куда меня привели, и пытался не думать о мучительно стиснувших лодыжки кандалах. Они были слишком тесны для столь крупного человека, как я, и холодное железо вгрызалось в мою плоть, одновременно обжигая ее и заставляя неметь. В те минуты боль значила для меня больше, чем исход трибунала. Я уже знал, каким он будет.

Боль — это самое главное, что я помню о том заседании. Она заволокла мои мысли багровым туманом. Свидетели один за другим выступали против меня. Я так и не забыл их полные праведного гнева голоса, в подробностях описывающие судьям мои преступления. Изнасилование. Убийство. Некрофилия. Осквернение могил. Мои ярость и ужас от подобных обвинений меркли перед полной безысходностью положения. Свидетель за свидетелем вносили свою лепту в список обвинений. Нити слухов, домыслов уже покойного человека, подозрений и косвенных улик сплелись в веревку доказательств, достаточно прочную, чтобы вздернуть меня на ней.

Я догадываюсь, почему Спинк не задал мне ни единого вопроса. Лейтенант Спинрек, мой друг со времен обучения в Академии каваллы, был назначен моим защитником. Я сказал ему, что хотел бы просто признать себя виновным и покончить с этим. Он изрядно рассердился. Возможно, именно поэтому он не попросил меня свидетельствовать в собственную защиту. Он не был уверен, что я скажу правду и стану отрицать обвинения. Боялся, что я выберу более простой путь.

Так бы и случилось.

Я не страшился виселицы. Быстрый конец для жизни, исковерканной чуждой магией. Подняться по ступеням, подставить шею под веревку и шагнуть в темноту. Моя голова, вероятно, попросту оторвалась бы под тяжестью тела. Я мог не бояться, что буду долго

задышаться в петле, суча ногами. Меня ждал лишь легкий выход из положения, слишком запутанного и испорченного, чтобы пытаться его поправить.

Что бы я ни сказал в собственную защиту, мои слова ничего бы не изменили. Были совершены ужасные злодеяния, и население Геттиса твердо вознамерилось заставить кого-то за них заплатить. Геттис — суровое место, наполовину военный форт, наполовину исправительная колония на восточной границе Гернийского королевства. Для его жителей убийства и изнасилования не были чем-то непривычным, но преступления, в которых меня обвинили, выходили и за здешние рамки — слишком темные и грязные дела, чтобы их могли стерпеть даже в этом городе. Кто-то должен был примерить маску злодея и заплатить за грехи полной мерой — а кто лучше подходит на подобную роль, чем одинокий толстяк с кладбища, по слухам связанный со спеками?

И я был признан виновным. Офицеры каваллы, заседавшие в суде, приговорили меня к повешению, и я принял их решение. Я опозорил свой полк. В тот миг казнь казалась мне самым простым спасением от жизни, обернувшейся полной противоположностью всем моим мечтам. Я умру, и с разочарованиями и неудачами будет покончено. Слушая решение суда, я испытывал едва ли не облегчение.

Но магия, отравившая мне жизнь, не собиралась так легко меня отпускать.

Обвинителям оказалось недостаточно меня казнить. Зло должно понести самое жестокое наказание, какое они только могут вообразить. Тьма будет уравновешена тьмой. Когда прозвучала вторая часть приговора, ужас сковал меня. Прежде чем взойти на виселицу для последнего падения, я получу тысячу плетей.

Я никогда не забуду этого ошеломляющего мига. Приговор оказался больше чем казнью, больше чем наказанием — полным уничтожением. Вместе с плотью, сорванной с моих костей, я лишусь и чувства собственного достоинства. Ни один человек, как бы храбр он ни был, не сможет сжать зубы и молча вытерпеть тысячу ударов плетью. Зеваки будут потешаться и высмеивать меня, вопящего и умоляющего о снисхождении. Я умру, полный ненависти к ним и к себе.

Я был рожден, чтобы стать солдатом. Добрый бог предназначил мне, как второму сыну аристократа, посвятить жизнь военной службе. Несмотря на выпавшие на мою долю несчастья, несмотря на чуждую магию, заразившую и отравившую меня, несмотря на отчисление из Академии каваллы, презрение отрекшегося от меня отца и насмешки товарищей, я сделал все возможное, чтобы служить своему королю как солдат. И вот чего я этим добился. Я буду вопить, рыдать и молить о пощаде людей, полагающих меня чудовищем. Плеть обнажит мое тело, лишив и одежды, и плоти, выставив на всеобщее обозрение обвисшие слои жира — первую из причин их ненависти. Я потеряю сознание, но меня приведут в чувство, обрызгав спину уксусом. Я обмочусь и беспомощно обмякну на скованных руках. Я стану трупом задолго до того, как они вздернут мои останки. Они это знали — и я тоже.

Даже моя исковерканная, жалкая жизнь казалась лучше подобной смерти. Магия пыталась отделить меня от моего народа и обратить в орудие против него. Я противился ей. Но в ту последнюю ночь в камере я понял, что магия спеков предлагает мне единственную возможность спастись. Когда магия взломала стены моей тюрьмы, я воспользовался этим. Я бежал.

Но ни она, ни добрые люди Геттиса со мной еще не покончили. Думаю, магия знала, что я был готов ей подчиниться лишь на словах. Но она требовала меня целиком, всю мою жизнь, без единой сохранившейся связи с этим местом и этим народом. И то, что я никогда не отдал бы ей добровольно, она отняла у меня силой.

Во время бегства я встретился с возвращающимся в форт отрядом каваллы. Я знал, что отнюдь не мое невезение поставило во главе его капитана Тайера. Это магия отдала меня в руки человека, над чьей покойной женой я якобы надругался. Дальнейшее было предсказуемо. Усталые, раздраженные люди, возглавляемые им, в считанные мгновения превратились в обезумевшую толпу. Они растерзали меня прямо на улице: его солдаты держали меня, пока он бил. Жажда справедливости и мести была утолена в предрассветные часы на пыльной улице Геттиса. Затем насытившиеся жестокостью люди разошлись по домам. Они ни с кем не обсуждали того, что совершили.

А за час до того, как над Геттисом забрезжил рассвет, мертвец бежал из города.

Глава 2

Бегство

Огромные копыта моего крупного жеребца выстукивали ровный ритм. Когда мы миновали последние дома городка, раскинувшегося вокруг королевского форта Геттис, я оглянулся через плечо. В городе было тихо и спокойно. Огонь, охвативший стены тюрьмы, угас, лишь темные пятна дыма все еще пятнали сереющее небо. Люди, всю ночь сражавшиеся с последствиями устроенной Эпини диверсии, теперь, должно быть, плелись по домам, к своим теплым постелям. Я мрачно уставился на дорогу прямо перед собой. Геттис так и не стал мне домом, но покинуть его оказалось непросто.

Впереди над вершинами гор забрезжил свет. Скоро взойдет солнце. Лучше добраться до спасительного леса, пока люди не начали просыпаться. Сегодня некоторые встанут пораньше, чтобы занять лучшие места для наблюдения за моей поркой и казнью. Мои губы искривились в усмешке, когда я представил, как они будут разочарованы известием о моей смерти.

Королевский тракт, дерзкий замысел Тровена, короля Гернии, развернулся передо мной — пыльный, разбитый, изрытый выбоинами, но прямой как стрела. Я двинулся по нему. Он вел на восток, строго на восток. По замыслу короля он должен был пересечь Рубежные горы и протянуться дальше, до самых берегов далекого моря, став главной торговой артерией для запертой на суше Гернии. На деле же он заканчивался в нескольких милях за Геттисом, обрываясь на краю долины, где росли деревья — предки спеков. Годами местные жители магией насылали на дорожных рабочих страх и уныние, чтобы остановить продвижение тракта. Их заклятия несли в себе то смертельный ужас, превращавший людей в скулящих трусов, то глубочайшее отчаяние, иссушающее волю.

Там, где тракт заканчивался, меня ждал лес.

Впереди на дороге я увидел то, чего так страшился. Ко мне медленно, устало приближался всадник. Его выправка в не меньшей

степени, чем ладная зеленая форма, говорила о принадлежности к королевской кавалле. Откуда он едет? И почему в одиночестве? Убить его или оставить в живых? Приблизившись, я разглядел лихо заломленную шляпу и ярко-желтый шейный платок, выдававшие в незнакомце разведчика. Я слегка расслабился. Он мог и не знать о выдвинутых против меня обвинениях и трибунале. Разведчики зачастую неделями отсутствовали в городе. Он не выказал ко мне никакого интереса, а когда я проезжал мимо, даже не поднял руки в приветствии.

Разминувшись с ним, я ощутил укол горького сожаления. Если бы не магия, на его месте мог оказаться я. Я помнил Тайбера по Академии каваллы, но он меня не узнал. Магия изменила меня, ничего не оставив от стройного, подтянутого кадета. Жирный, неопрятный рядовой, взгромоздившийся на ломовую лошадь, не стоил его внимания. Пройдет несколько часов, прежде чем он таким шагом доберется до города и услышит, что меня прикончила разъяренная толпа. Может быть, он решит, что встретил призрака...

Утес упорным галопом двигался вперед. От тяжеловоза-полукровки никто не стал бы ждать ни скорости, ни выносливости, но он был достаточно крупным — единственно возможным конем для человека моего роста и веса. Неожиданно я осознал, что еду на нем верхом в последний раз: я не мог взять его с собой в лес. Боль снова пронзила меня: вот еще одно близкое мне существо, которое мне придется оставить. Он уже ступал тяжело, наше безумное бегство из ночного Геттиса измотало его.

Далеко за окраинами городка от Королевского тракта ответвлялась дорога к кладбищу. Приблизившись к ней, Утес замедлил шаг, и я неожиданно изменил первоначальный план. В конце дороги стояла хижина, которую я весь прошлый год называл домом. Осталось ли там что-нибудь, что я захочу взять с собой в новую жизнь? Спинк забрал к себе домой мой дневник сына-солдата. Я был ему за это благодарен. Дневник хранил подробный рассказ о том, как магия вошла в мою жизнь и постепенно отобрала ее у меня. Но, помимо него, в хижине могли остаться письма или бумаги, способные соотнести мое имя с прошлым и семьей, от которых я отказался. Я не хотел, чтобы меня что-либо связывало с лордом Бурвилем; пусть моя смерть опозорит лишь меня одного.

Начав взбираться по склону холма, Утес перешел на тяжеловесную рысь. Я был здесь в прошлый раз лишь пару недель назад, но мне казалось, будто минули годы. Трава пробивалась на могилах, вырытых для жертв летней чумы. Траншеи же все еще оставались голыми — их копали позже, когда чума вошла в полную силу и мы, могильщики, едва справлялись с постоянно прибывающими телами. Эти шрамы заживут последними.

Я придержал Утеса у самой хижины, осторожно спешил, но почувствовал лишь легкую боль, хотя только вчера кандалы вгрызались в мои сухожилия. Магия исцеляла меня с головокружительной быстротой. Мой конь фыркнул, встряхнулся и отошел на несколько шагов, прежде чем начать щипать траву. Я же поспешил к двери в дом — сейчас я быстро уничтожу все следы своего пребывания здесь и продолжу путь.

Ставни на окнах были закрыты. Войдя внутрь, я захлопнул за собой дверь — и невольно отпрянул, когда на моей кровати сел Кеси. Мой товарищ по рытью могил спал в вязаном ночном колпаке, чтобы не мерзла лысая голова. Он протер глаза и уставился на меня, разинув рот так, что стали видны дырки на месте выпавших зубов.

— Невар? — ахнул он, не веря своим глазам. — Я думал, тебя... — Он осекся, видимо осознав, насколько неуместно мое присутствие в собственном жилище.

— ...сегодня повесят, — закончил я за него. — Да. Многие так думали.

Он ошеломленно смотрел на меня, но продолжал сидеть на постели. Я решил, что он не представляет для меня угрозы. Почти весь год, пока все не пошло наперекосяк, мы оставались с ним в приятельских отношениях. Я надеялся, он не сочтет, что обязан помешать моему бегству. Я спокойно прошел мимо него к полке, где хранил личные вещи. Как и обещал Спинк, мой дневник сына-солдата исчез. Меня окатила волна облегчения. Эпини и Спинк лучше разберутся, как распорядиться этими обличающими записями. Я провел рукой по полке, удостовераясь, что не пропустил ни письма, ни какого-нибудь обрывка бумаги. Ничего. Но зато там нашлась свернутая праща. Я положил ее в карман. Она могла мне пригодиться.

Ветхое ружье, выданное мне, когда я прибыл в Геттис, по-прежнему покоилось в стойке. Видавшее виды, со щербатым стволом,

оно никогда не было особенно надежным. Но даже окажись оно исправно, оно довольно скоро станет бесполезным — когда у меня закончится скудный запас пороха и пуль. Придется оставить. Другое дело сабля. Она все так же висела на крюке, спрятанная в ножны.

— Что произошло? — вдруг спросил Кеси, когда я уже потянулся за ней.

— Это длинная история. Ты уверен, что хочешь знать?

— Ясное дело! Я думал, тебя сегодня собираются исполосовать в ключья, а потом повесить!

Я невольно ухмыльнулся:

— А ты даже не соизволил проснуться пораньше, чтобы поглядеть на казнь. Хорош друг!

Он неуверенно улыбнулся в ответ. Не слишком приятное зрелище, но меня оно порадовало.

— Я не хотел этого видеть, Невар. Просто не мог. Хватит с меня и того, что новый командующий приказал мне жить здесь, приглядывая за кладбищем, поскольку тебя арестовали. Хуже только смотреть, как умирает твой друг, и понимать, что ты и сам, возможно, подохнешь тут же. Все здешние кладбищенские сторожа плохо заканчивали. Но как тебе удалось выкрутиться? Не понимаю.

— Я сбежал, Кеси. Меня освободила магия спеков. Корни дерева взломали стены тюрьмы, и я выполз в пролом. Я почти выбрался из Гетгиса. Я прорвался через ворота форта. Думал уже, что освободился. И тут встретил отряд солдат, возвращавшийся от конца дороги. Знаешь, кто им командовал? Капитан Тайер собственной персоной.

Глаза Кеси от потрясения сделались похожи на два блюдца.

— Но ведь это его жену... — начал было он, и я кивнул:

— Тело Карсины нашли в моей постели. Знаешь, если бы не это, судьбы могли бы счесть, что моя связь с гибелью Фалы бездоказательна. Но тела Карсины в моей постели оказалось более чем достаточно. Вряд ли хоть один из них предполагал, что я пытался ее спасти. Ведь ты же знаешь, что я не делал ничего подобного, Кеси?

Он облизнул губы. Похоже, его одолевали сомнения.

— Я не хотел верить в то, что про тебя говорили, Невар. Ничто из этого не вязалось с тем, что мы с Эбруксом про тебя знали. Ты, конечно, толстяк и нелюдим и едва ли хоть раз пропустил с нами по стаканчику, и мы видели, как ты скатываешься к жизни спеков. Ты не

оказался бы первым, кто ушел к местным. Но мы никогда не замечали в тебе подлости, и жестоким ты не был. Про свою военную службу, похоже, ты говорил искренне. И никто прежде не трудился здесь столь усердно. Но кто-то же сотворил все это, а ты был как раз там, где все происходило. Остальные казались такими уверенными. И я чувствовал себя дураком из-за того, что думаю иначе. А на суде, когда я попытался сказать, что ты всегда казался мне славным малым, Эбрукс толкнул меня и велел заткнуться. Мол, защищая тебя, я только нарвусь на неприятности сам, а тебе ничем помочь не смогу. Поэтому я промолчал. Прости, Невар. Ты заслужил большего.

Я стиснул зубы, а затем выдохнул, избавляясь от вспыхнувшего вдруг гнева.

— Все хорошо, Кеси. Эбрукс был прав. Ты не мог мне помочь.

Я потянулся к сабле, но, когда моя ладонь уже почти коснулась рукояти, ощутил странное покалывание. Неприятное предостережение — как если бы я положил ее на пчелиный улей и услышал внутри воинственное гудение. Я озадаченно отдернул руку и вытер ее о рубашку.

— Но ты сбежал, так? Значит, то, что я промолчал, тебе не навредило, верно? И я не собираюсь останавливать тебя сейчас. Я даже никому не скажу, что ты здесь проезжал.

В его голосе прозвучала нотка страха, полоснувшая меня по сердцу. Я встретился с ним взглядом:

— Я же уже сказал, Кеси, все хорошо. Никто не спросит тебя, проезжал ли я здесь, потому что по пути из города я встретил капитана Тайера и его людей. И они меня убили.

Он уставился на меня:

— Что? Но ты же...

Я быстро шагнул вперед. Он отпрянул от моего прикосновения, но я прижал ладонь к его лбу и заговорил, вкладывая в слова душу. Я хотел его защитить, и другого пути не было.

— Тебе снится сон, Кеси. Всего лишь сон. Ты услышишь о моей гибели, когда в следующий раз поедешь в город. Капитан Тайер поймал меня при побеге и собственноручно забил до смерти. Его жена отмщена. При свидетелях. Все кончено. Эбрукс там был. Возможно, он даже расскажет тебе об этом. Он забрал мое тело и тайно похоронил его. Он сделал для меня все, что смог. А тебе — тебе просто приснился

сон, что я сбежал. Он тебя утешил. Ведь ты знаешь, что, если бы мог мне помочь, обязательно помог бы. Ты не виноват в моей смерти. Все это тебе просто снится. Ты спишь и видишь сон.

Договорив, я осторожно подтолкнул Кеси, укладывая его в постель. Он опустил веки и приоткрыл рот, глубокое ровное дыхание наполнило его грудь. Кеси уснул. Я тяжело вздохнул. Он разделит ложные воспоминания с толпой, окружившей меня на улице города. Даже мой лучший друг Спинк запомнит, что меня забили до смерти, а он не сумел это остановить. Эмзил, единственная женщина, полюбившая меня, несмотря на уродливое жирное тело, будет считать так же. Они расскажут об этом дома моей кузине Эпини, и она им поверит. Я надеялся, что они не станут слишком долго и горько по мне скорбеть. На мгновение я задумался, как они сообщат эту новость моей сестре и расстроит ли она отца. Затем решительно отгнал мысли о прежней жизни. Она уже позади, и с ней покончено.

Когда-то я был высоким и сильным, сыном-солдатом знатного человека, и меня ждало блестящее будущее. Все в моей судьбе было решено заранее. Я закончу Академию, вступлю в ряды кавалеры в офицерском чине, отличусь на службе королю, женюсь на прелестной Карсине, проживу жизнь, полную приключений и доблести, пока наконец не выйду в отставку и поселюсь в поместье брата, где достойно встречу старость. Если бы в меня не проникла магия спеков, так бы все и случилось.

Кеси всхрапнул и перекатился на бок. Я вздохнул. Пора уезжать. Как только новость о моей смерти распространится, кто-нибудь приедет сюда, чтобы сообщить ему. Я не хотел больше тратить магию — меня уже терзал вызываемый этим голод. Стоило мне вспомнить о нем, как мой желудок отчаянно заурчал. Я торопливо обшарил шкафы в поисках съестного, но вся найденная еда показалась мне засохшей, старой и непривлекательной. Я жаждал сладких ягод, согретых солнцем, сытных землистых грибов, пряных листьев водяного растения, которыми Оликея кормила меня в последнюю нашу встречу, и нежных хрустких кореньев. Взамен я мрачно взял с полки пару круглых галет, превозмогая отвращение, откусил большой кусок и снова потянулся к сабле. Пришло время убираться отсюда.

Клинок ожег меня, а когда я выпустил рукоять, едва не выпрыгнул из моей ладони, словно какая-то сила оттолкнула его, и с лязгом упал.

Я подавился сухим крошечком и осел на пол, задыхаясь и сжимая пострадавшую кисть. Когда я взглянул на ладонь, она была красной, словно я схватил пучок крапивы. Я потряс рукой и вытер ее о штаны, пытаясь избавиться от неприятного ощущения. Оно не прошло. И тут я понял.

Я отдал себя магии. Холодное железо больше не было мне покорно.

Я медленно поднялся и попятился от упавшей сабли и правды, которую упрямо не желал признавать. Сердце молотом стучало у меня в груди. Я войду в лес безоружным. Железо и все, что им порождалось, ушли из моей жизни. Я помотал головой, словно отряхивающаяся от воды собака. Не стоит думать об этом прямо сейчас. Я не мог в полной мере осознать значение происшедшего, а в тот миг еще и не хотел осознавать.

Я окинул хижину прощальным взглядом, запоздало поняв, что мне нравилось жить здесь в одиночестве, делая все по-своему. Никогда в жизни у меня не было подобной свободы. Из отцовского дома я отправился прямо в Академию, затем вернулся в его владения. Только здесь я был сам себе хозяином. Покинув этот дом, я стану не свободным человеком, а рабом чуждой магии, непонятной и нежеланной.

Но останусь в живых. И те, кого я люблю, будут жить дальше. Когда меня схватила толпа, мне привиделось куда более страшное будущее, в котором оставалось только надеяться, что Эмзил не умрет, изнасилованная толпой, а Спинк выживет, когда его солдаты обернутся против него. Моя собственная смерть меркла в сравнении с этим. Нет, то, что я выбрал, — лучше для всех нас. Теперь же мне следовало идти дальше, пытаюсь сохранить остатки порядочности. Жалея, что войду в новую жизнь с пустыми руками, я с тоской посмотрел на свои нож и топор. Нет. Железо мне больше не товарищ. Но свое зимнее одеяло, лежащее на полке, я возьму. В последний раз оглядев хижину, я вышел и плотно прикрыл за собой дверь, провожаемый могучим храпом Кеси.

Когда я вышел, Утес поднял голову и с укором посмотрел на меня. Почему я не распряг его, чтобы он мог спокойно попасться? Я глянул на солнце и решил оставить коня здесь. Казалось вполне возможным, что он сам вернется в стойло, лишившись в Геттисе седока. Я не мог снять с него сбрую, иначе кто-нибудь обязательно задумается, кто это

сделал. Я надеялся, что, кто бы ни забрал Утеса себе, он будет хорошо с ним обращаться.

— Оставайся здесь, дружище. Кеси за тобой присмотрит. Или еще кто-нибудь.

Я похлопал его по шее и оставил у хижины, а сам двинулся через кладбище, которое так хорошо знал. Я миновал изрубленные остатки моей живой изгороди и вздрогнул, вспомнив, какой я видел ее в последний раз — заваленной дергающимися и извивающимися телами, в которые в поисках пищи вонзались мелкие корешки. На мгновение я вновь окунулся в ту ночь, озаренную светом факелов.

Случалось, хоть и нечасто, что люди, умершие от чумы спеков, становились так называемыми ходоками. Один из врачей в Геттисе считал, что они впадают в подобное смерти оцепенение, а через несколько часов приходят в себя в последней попытке выжить. Удастся это немногим. Другой врач, суеверный почитатель потусторонних сил, восхищавших нашу королеву, полагал, что ходоки — не люди, вернувшиеся из-за порога смерти, а лишь их тела, оживленные магией, чтобы доставить какие-то послания живым. Поскольку я и сам некогда побывал ходоком, я имел на сей счет собственное мнение. В тот год, что я провел в Королевской Академии каваллы, я, как и многие мои товарищи, заразился чумой спеков. «Умерев», я оказался в спекском мире духов. Там я сразился со своим другим «я» и древесным стражем и, победив их, вернулся к жизни.

Моя бывшая невеста Карсина тоже стала ходоком. В последнюю ночь, которую я провел кладбищенским сторожем, она выбралась из гроба и пришла ко мне просить прощения, чтобы обрести покой. Я хотел спасти ее и выскочил из хижины, собираясь отправиться в город за помощью. Но моим глазам предстало невообразимое зрелище: другие жертвы чумы тоже восстали из гробов и двинулись к деревьям, которые я по неосторожности посадил. Я знал, что это каэмбра, тот же самый вид, какой спеки называют деревьями предков. Я понял это, когда жерди начали прорастать листьями. Как я мог не осознать опасности? Не магия ли ослепила меня?

Каждый ходок выбрал дерево, сел около него, прислонившись спиной к стволу, и принялся кричать от мучительной боли, когда голодные корешки вонзились в его плоть. Я никогда не забуду того, что увидел той ночью. Один мальчик отчаянно плакал, а его голова, руки и

ноги судорожно подергивались, пока дерево, пожирая его тело, привязывало его к стволу. Я ничего не смог для него сделать. Еще больше меня потряс вид женщины, молившей о помощи и протягивавшей ко мне руки. Я схватил их и попытался оторвать ее от дерева, убережь не от смерти, но от продления жизни, невозможного для гернийской души.

Я не смог ее спасти.

Я прекрасно помнил дерево, которое захватило ее в плен и вонзило в спину корни, — эти корни сплетаются в сеть внутри тела, питая молодой побег не только его соками, но и душой. Именно так спеки создавали деревья предков. Те, кого магия сочла достойным, получали в награду такое дерево.

Проходя мимо того пня, я заметил, что он уже выбросил новый побег. На соседнем сидел стервятник с красной бородкой и внимательно наблюдал за мной. Он расправил крылья и вскинул уродливую голову. Его бородка затряслась, когда он разразился обвиняющим карканьем. Меня передернуло. Стервятники считались символом Орандулы, древнего бога смерти и равновесия. Мне совершенно не хотелось еще раз с ним встречаться. Сбежав от птицы, я заметил, что Утес идет за мной. Ничего, скоро он повернет обратно. Я вошел в лес и почувствовал, что он принял меня. Слово за спиной с шелестом опустился занавес, знаменуя, что первый акт моей жизни подошел к концу.

Эту часть леса составляла молодая поросль, поднявшаяся после пожара. Время от времени я проходил мимо почерневших пней, заросших мхом и папоротником, или сквозь тень обгоревшего великана, сумевшего выжить в огне. Кусты и полевые цветы купались в солнечных лучах, просачивающихся сквозь листву. Птицы пели и перепархивали с ветки на ветку. Сладкие ароматы леса окутали меня, и напряжение начало отступать. Некоторое время я шел, ни о чем не думая и прислушиваясь к тяжелым шагам так и не отставшего Утеса.

Стоял приятный летний день. Я прошел мимо двух белых бабочек, танцующих над маленькой полянкой полевых цветов, и оказался на небольшой прогалине, где наперегонки тянулись к солнцу колючие ветки ежевики. Я остановился собрать полную пригоршню сочных черных ягод. Они лопались в пальцах и пачкали мне ладони, когда я их срывал. Я отправил их в рот, наслаждаясь сладостью вкуса и аромата,

и с неменьшим удовольствием разжевал крохотные семена. Подобные ягоды могли приглушить мой голод, но не утолить его. Нет. Теперь, когда магия обрела власть над моим телом и кровью, я начал жаждать пищи, способной напитать ее. И сейчас я томился именно по ней. Оставив за спиной прогалину, я заторопился вверх по склону холма.

С ошеломляющей неожиданностью выгоревший лес сменила древняя чаща. Я задержался на границе, среди молодых деревьев и пятен солнечного света, и посмотрел в ее темную пещеру. Крыша из переплетенных ветвей, ряды мощных колонн-стволов, теряющихся из виду в сумрачной дали. Густая листва впитывала солнечный свет, не допуская его вниз. Подлеска почти не было, землю устилал лишь толстый мох, испятнанный словно бы случайным узором из звериных следов.

Я вздохнул и оглянулся на крупного коня.

— Здесь мы с тобой расстанемся, дружище, — сообщил я Утесу. — Возвращайся на кладбище.

Он посмотрел на меня со смесью любопытства и досады.

— Иди домой, — велел я ему.

Он дернул ушами и махнул неровно подстриженным хвостом. Я вздохнул снова. Довольно скоро он все поймет. Я повернулся и пошел от него прочь.

Он еще недолгое время следовал за мной, но я не оглянулся и не заговорил с ним. Это оказалось труднее, чем я себе представлял, и я старался не прислушиваться к глухому топоту его копыт. Он вернется туда, где растет хорошая трава, Кеси подберет его, чтобы запрягать в телегу и возить трупы. У него все будет хорошо. Лучше, чем у меня. По крайней мере, он знает, чего от него ожидает мир.

В этой части леса не было тропинок, проторенных людьми. Я будто бы шел по чужому жилищу: по полам, выстланным густой зеленью ковров, под ажурной мозаикой свода, поддерживаемого могучими деревянными колоннами. Я казался крошечной статуэткой в доме великана, слишком маленьким, чтобы иметь хоть какое-то значение. Даже безмолвие было достаточно, чтобы заглушить мое существование.

Но пока я шагал вперед, безмолвие открылось мне с иной стороны. Человеческих голосов здесь не раздавалось, однако не было и тишины. Я слышал птиц, порхающих и перекликающихся у меня над головой.

Слышал предупредительную дробь и топоток испуганного зайца. Олень покосился на меня круглым глазом и насторожил уши, когда я проходил мимо, и до меня донеслось его тихое пофыркивание.

Под пологом леса было тепло и влажно. Я остановился расстегнуть мундир и пару верхних пуговиц на рубашке, а вскоре уже шагал, забросив куртку за плечо. Эмзил сшила для меня зеленую форму каваллы из нескольких старых, чтобы я мог втиснуть в нее свое огромное тело. Одной из сложностей, сопровождавших навязанный магией жир, стала неудобно сидящая одежда. Брюки приходилось застегивать под животом, а не на талии, воротники, манжеты и рукава врезались в тело, носки растягивались, сползали и быстро протирались под моим невообразимым весом. Даже сапоги и ботинки доставляли мне неприятности. Мое тело увеличилось в размерах везде — с головы до пят. Впрочем, сейчас одежда слегка болталась на мне. Прошлой ночью я использовал много магии и, соответственно, похудел. На миг я задумался, не стоит ли мне раздеться и идти дальше нагим, как спек, но цивилизация осталась не настолько далеко у меня за спиной.

Мой путь лежал вверх по склонам пологих холмов. Впереди маячили густо заросшие лесом Рубежные горы и скитающиеся по ним неуловимые спеки. Мне сообщили, что они раньше обычного ушли в зимние селения высоко в горах. Я буду искать их там. Это не только моя последняя надежда на убежище. Магия приказала мне идти к ним. Я противился ей, но безуспешно. И теперь мне предстоит выяснить, чего же она от меня хочет. Найдется ли способ удовлетворить ее, способ вновь обрести свободу и жить той жизнью, которую я выберу сам? Я сомневался в этом, но собирался выяснить наверняка.

Я заразился магией в пятнадцать лет. До того я был, наверное, хорошим сыном: послушным, усердным и учтивым. Но отец, без моего ведома, искал во мне искру неповиновения и настойчивости в выборе собственного пути — качеств, присущих, по его мнению, хорошему офицеру. Он решил поставить меня в такое положение, чтобы я непременно воспротивился чужой власти надо мной, и доверил меня варвару из равнинного племени кидона, «уважаемому врагу» с тех времен, когда королевская кавалла сражалась с прежним населением Средних земель. Отец сказал мне, что Девара научит меня способам выживания и воинским искусствам, принятым в племени кидона. Но тот издевался надо мной, морил голодом, порезал ухо, а затем, как раз

когда я собрался с духом, чтобы воспротивиться ему — и вместе с ним собственному отцу, — попытался подружиться со мной. Оглядываясь назад, я каждый раз удивляюсь тому, что он проделал с моей способностью рассуждать здраво. Лишь недавно я начал замечать нечто общее между тем, как Девара сломал меня и привел в свой мир, и порядками в Академии, где новых кадетов изводили и перегружали работой, чтобы перекроить по армейскому лекалу. Под конец Девара попытался посвятить меня в магию кидона. Он одновременно преуспел и потерпел поражение.

Я вошел в мир духов кидона, чтобы сразиться с их древним врагом. Но древесный страж захватил меня в плен и заявил на меня права, и с этого дня магия овладевала моей жизнью. Она тащила и подстегивала меня, пока не привела на границу. В Геттисе я предпринял последнюю попытку освободиться. Я вступил в армию под именем Невара Бурва и принял единственный предложенный мне пост — кладбищенского сторожа. Я старался от души и делал все возможное, чтобы наших мертвецов хоронили с почтением и не тревожили их покой. Я словно обрел новую жизнь; Эбрукс и Кеси стали мне приятелями, а Спинк, муж моей кузины и лучший друг еще со времен Академии, снова оказался рядом. В Геттис переехала Эмзил, и я осмеливался надеяться, что она равнодушна ко мне. Я добился того, что начал что-то из себя представлять, и даже подумывал о том, чтобы предоставить сестре убежище от самодурства отца.

Но подобная жизнь не шла на пользу планам магии на мой счет, а магия, как предупреждал меня некогда разведчик Хитч, не смиряется с тем, что идет вразрез с ее замыслом. Его жизнь она разрушила, чтобы сделать своим слугой. Я знал, что должен буду умереть или покориться ей. Перед смертью Хитч во всем мне признался. По приказу магии он убил Фалу, одну из шлюх, работавших у Сарлы Моггам, и оставил улики, указывающие на меня. Он сделал это, хотя был мне другом и во всем прочем честным человеком. Я до сих пор не мог представить себе Хитча душащим Фалу, не говоря уже о столь подлом предательстве. Но он это сделал.

Я не хотел выяснять, что магия заставит меня сделать, если я продолжу ей противиться.

Глава 3

Лисана

Мой путь неуклонно уходил вверх. Где-то, несомненно, светило солнце и легкий ветерок тревожил ясный летний день. Но здесь, под кронами деревьев, царил мягкий изумрудный полумрак и воздух оставался неподвижным. Мои шаги приглушал многолетний слой палой листвы. Огромные деревья, впившиеся могучими корнями в склоны холмов, окружали меня и накрывали тенью, превращая лес в дворцовую колоннаду. Пот стекал по моему лицу и спине. Икры болели от постоянного подъема.

И я по-прежнему был голоден.

Последние десять дней я почти ничего не ел. В тюрьме мне давали только хлеб и воду, а еще отвратительное сероватое месиво, долженствующее изображать кашу. Эпини тайно передала мне крошечный пирожок, бесценный, поскольку начинкой ему служили ягоды, собранные в этом лесу. Когда древесная женщина разрушила своими корнями стены камеры, она принесла грибы, давшие силу моей магии. Это, галеты и пригоршня ягод, собранных утром, — вот и все, что мне досталось. Слишком поздно я вспомнил о том, что Эмзил упоминала о еде в моих седельных сумках. Но это последнее выражение ее приязни исчезло вместе с Утесом. Как ни странно, эта потеря не слишком огорчила меня. Я томился по еде, способной скорее подкрепить мою магию, чем насытить плоть.

Я уже давно понял, что ограничения в пище или даже пост мало что значат для моего тела. Я терял вес лишь от использования магии. За прошедшие сутки я прибежал к ней больше, чем когда-либо прежде, и теперь, соответственно, мечтал о еде, способной ее подкрепить.

— Я голоден, — вслух сообщил я лесу.

Я почти ожидал ответа: грибов, прорастающих прямо под ногами, или куста с ягодами, раскинувшего поблизости ветви. Но ничего не произошло. Я разочарованно вздохнул... остановился и глубоко втянул носом воздух. Вот оно. В лесном безветрии висел едва заметный запах,

я двинулся за ним, пригнувшись, словно взявшая след гончая, и вскоре пришел к зарослям синих цветов, пробивающихся из-под упавшего дерева. Я не помнил, чтобы Оликея кормила меня ими, но их благоухание раздражило мой аппетит. Я опустился на землю. Что же я творю, собираясь съесть нечто, чего прежде даже ни разу не видел? Так же легко можно отравиться. Я сорвал один цветок, понюхал его, а затем попробовал на вкус. Было похоже на то, что я ем духи, чересчур ароматные, чтобы показаться привлекательными. Тогда я сорвал листок с толстым стеблем и ворсистыми краями и осторожно положил на язык. Резкий вкус показался особенно жгучим после цветочной сладости. Я съел полную горсть листьев и внезапно ощутил, что этой пищи мне достаточно, хоть я и не насытился. Не магия ли наконец заговорила со мной напрямую, как обещал древесный страж? Я не знал, так ли это, или же я обманываюсь. С ворчанием я тяжело поднялся на ноги и двинулся дальше. Когда я добрался до вершины холма, идти стало легче.

Я нашел и съел несколько ярко-желтых грибов, выросших во мху на древесном корне. Вышел к ползучему растению, высасывающему соки из старого ствола. Дерево теряло листья, и кое-где с него опадала кора, обнажая дыры и ходы насекомых, вознамерившихся его повалить. Но лоза, опутавшая умирающего старца, была полна сил, с пышной листвой и крупными каплевидными плодами такого густого пурпурного цвета, что в рассеянном солнечном свете они казались черными. Часть фруктов перезрела и полопалась, забродив. На землю сочился фиолетовый нектар. Вокруг возбужденно жужжали пчелы и прочие насекомые, а где-то вверху щебетали их соперники — маленькие птички. Несколько плодов упало на землю, и крупные черные муравьи деловито растаскивали их по кусочкам.

Все это убедило меня в том, что фрукты съедобны. Я подобрал один, понюхал и откусил крохотный кусочек. Плод оказался таким спелым, что сок и мякоть брызнули мне на язык, едва зубы проткнули его кожицу. Он оказался гораздо слаще сливы, вызревшей на жарком солнце, почти тошнотворно-сладким. Но уже в следующее мгновение его вкус омыл мой рот, и я едва не потерял сознание от наслаждения. Я сплюнул большую круглую косточку и потянулся за новым плодом.

Не знаю, сколько я съел. Когда я наконец остановился, пояс брюк уже снова врезался в мой живот, а руки стали липкими от сока до

самых локтей. Я утер рот тыльной стороной кисти и чуть отдышался. У моих ног лежали кучкой десятка два косточек, а вместо тошноты пришло счастливое насыщение.

Неторопливо удаляясь оттуда, я трепетал от блаженства. Я слышал музыку леса, симфонию, состоящую из жужжания насекомых, голосов птиц, шелеста листьев на невидимом ветру над головой. Даже мои приглушенные шаги были частью целого. Эта симфония складывалась не из одних звуков. Запахи почвы и трав, листьев и плодов, телесное удовольствие от ходьбы, от скользящих по коже веток и обнимающего подошвы мха. Приглушенные мягким светом краски. Все это казалось поразительно цельным, переживание, поглотившее меня куда полнее, чем что бы то ни было в моей жизни.

— Я пьян! — крикнул я, и эти слова сплелись с кружащим падением листа и прилипшей к щеке паутиной. — Нет, не пьян. Но одурманен.

Мне нравилось говорить вслух в лесу, поскольку так я в большей степени становился его частью. Я шагал вперед, восхищаясь всем вокруг, и вскоре запел без слов, позволив своим ощущениям управлять голосом. Я широко распротер руки, не обратив внимания, что куртка упала на землю. Я ушел от нее, вкладывая в пение всю душу — и все дыхание. Меня переполняла радость просто оттого, что я был самим собой, уходящим в чащу леса.

Просто оттого, что я был самим собой.

А кем я был?

Этот вопрос словно напомнил мне о забытом поручении. Я кто-то, идущий куда-то, чтобы совершить что-то. Я замедлил шаг, на некоторое время увлекшись этой мыслью. Я был сосредоточен и уверен в себе, но никак не мог определиться с собственным именем.

Невар. Мальчик-солдат. Точно медленный танец двух половинок, соединившихся, чтобы стать единым целым, и вновь разделившихся. Когда мальчик-солдат исчез из моего восприятия, я вдруг ощутил внутри зияющую брешь. Я был цельным существом, удовлетворенным собственной цельностью, но оказался вдруг чем-то меньшим. Я решил, что представляю себе, как чувствует себя человек, лишившийся конечности. Острое удовольствие, которое дарил мне лес, померкло до обычного восприятия приятных запахов и мягкого света. Общность с ним теперь стала лишь сплетением нескольких нитей, а не

замысловатым кружевом. Я не мог вспомнить песню, которую только что пел. Я потерял свое место в мире. Я сделался меньше.

Я медленно моргнул и огляделся по сторонам, постепенно осознавая, что эта часть леса мне знакома. Если я взберусь на гребень впереди и направлюсь на восток, я приду к пню древесного стража. Неожиданно я понял, что именно туда и шел весь день.

«Домой», — подумал я, и это слово прозвучало эхом чужой мысли.

Мальчик-солдат считал это место своим домом. Я не был уверен, чем считал его Невар.

Впервые я встретился с древесным стражем в мире духов Девара. Тогда я ожидал воина-часового, а увидел толстую старуху с седыми волосами, прислонившуюся к дереву. Я не мог просто взять и напасть на нее, ведь отец сызмальства привил мне дух рыцарства. Так что я замешкался и заговорил с ней, и, прежде чем я осознал ее могущество, она одержала надо мной верх и захватила в плен.

Я стал ее учеником в магии. А потом любовником.

Мое сердце помнило дни, проведенные с ней. Разум — нет. Он отправился в Академию каваллы, ходил на занятия, завел друзей и выполнял все, что положено послушному сыну-солдату. А когда мне представилась возможность бросить ей вызов как врагу, я уже не колебался. Я уничтожил ту часть себя, что училась у нее, и вернул себе. А потом сделал все, что мог, чтобы убить ее саму.

Однако и в том и в другом я потерпел сокрушительное поражение. Спек, которого я вобрал в себя, затаился, словно пятнистая форель в глубокой тени у травянистого берега. Время от времени я замечал его, но мне ни разу не удалось схватить его и удержать. А древесный страж, которого я убил? Я не до конца разрубил саблей ее ствол. Этот поступок, невозможный в мире, который я считал реальным, оставил здесь след. На гребне высящегося передо мной холма остался пень ее дерева, и ржавеющий клинок по-прежнему торчал из него. Я повалил ее, но не перерубил ствол полностью. Останки ее дерева распростерлись на мшистом склоне, залитые солнцем, которое теперь пробивалось сквозь просвет в зеленом пологе леса.

Однако она не погибла. Из упавшего ствола пробилось новое, молодое деревце. А рядом с пнем я встретился с ее призраком. Мой враг остался жив, и прячущийся во мне спек по-прежнему ее любил.

Как древесный страж, она враждовала с моим народом и не скрывала надежды, что мне каким-то образом удастся повернуть вспять поток «захватчиков» и навсегда прогнать гернийцев из лесов и гор мира спеков. По ее указанию чума спеков охватила и продолжала терзать мою страну. Тысячи людей заболели и умирали. Грандиозный замысел короля натолкнулся на препятствие; строительство дороги, ведущей на восток, замерло. Следуя всему, чему меня когда-либо учили, я должен был ненавидеть ее как врага.

Но я ее любил. С такой невероятной нежностью, какой никогда не испытывал по отношению к другим женщинам. Подобному чувству не было разумных причин, но я ничего не мог с собой поделать.

Я одолел последний крутой подъем и, выбравшись на гребень холма, поспешил к ней. И с каждым шагом росло нетерпение затаившейся части моего «я». Но, увидев ее пень, я в смятении остановился.

Он омертвел, подернувшись серебристым налетом. Даже неповрежденная часть, изогнутая упавшим стволом и сохранившая часть ветвей, сделалась серой и тусклой. Я не видел древесной женщины, не мог ее почувствовать. Молодой отросток, потянувшийся вверх, когда пал ствол, по-прежнему стоял, но едва-едва.

Я пробрался по мертвым веткам к лежащему бревну и юному деревцу. Когда страж рухнул, в зеленом пологе леса осталась огромная прореха, и теперь сквозь нее падали желтые солнечные лучи, пронзающие обычный лесной сумрак и освещающие росток. Когда я тронул его зеленые листочки, они оказались вялыми и дряблыми. Некоторые, на концах веток, побурели по краям. Деревце умирало. Я положил руки на ствол. Мои ладони как раз смогли его обхватить. Однажды во сне, притронувшись к этому деревцу, я почувствовал, насколько оно полно ее жизни и сути. Теперь же мои ладони ощущали лишь сухую, согретую солнцем кору.

— Лисана!.. — тихонько позвал я.

Я обратился к ней настоящим именем и затаил дыхание, ожидая ответа. Но ничего не почувствовал.

Сквозь дыру в лесном пологе просочился легкий ветерок, взъерошил мне волосы и закружил пылинки в луче солнца, в котором я стоял.

— Лисана, пожалуйста! — взмолился я. — Что случилось? Почему твое дерево умирает?

Ответ пришел ко мне таким ясным и четким, как будто она произнесла его вслух. Прошлой ночью я смог выбраться из тюрьмы, потому что корни дерева пробились сквозь камень и известку. Когда я перелезал через них, я чувствовал присутствие Лисаны. Неужели ее корни проросли весь путь отсюда до Геттиса, а потом взломали ради меня стены? Это невозможно.

Магия вообще невозможна.

И всякая магия имеет свою цену. Лишь несколько дней назад Эпини стояла тут, около пня Лисаны, и они призвали меня во сне. Оглядываясь назад, я понимал, что Лисана была тогда более эфемерной, чем обычно. И более раздражительной. Она враждебно держалась с Эпини и была жестока со мной. Я попытался вспомнить, как выглядело ее деревце. Его листья были поникшими, но это не обеспокоило меня — день выдался жаркий.

Уже тогда ее корни, должно быть, продирались сквозь глину и песок, камни и почву, тянулись к Геттису и тюрьме, где меня держали. Уже тогда она тратила всю магию, какую могла призвать, и все собственные силы на мое спасение. Мне следовало сообразить, что происходит, когда я почувствовал ее слабое присутствие в камере. Почему она так поступила? Магия ли заставила ее пожертвовать жизнью, чтобы спасти меня? Или это было ее собственным решением?

Я прижался лбом к тоненькому стволу. Ее присутствия совсем не чувствовалось, и я предположил, что оставшейся в юном деревце жизни оказалось недостаточно, чтобы поддерживать Лисану. Она умерла, а меня терзало сознание того, что я помнил нашу любовь, — но ни единой подробности о том, как она зародилась. Мне снились наши встречи, но, как обычно случается со снами, после пробуждения удавалось удержать лишь пестрые обрывки воспоминаний. Слишком призрачные и хрупкие, чтобы вынести яркий свет дня. Они не ощущались настоящей памятью, хотя испытываемые чувства, несомненно, принадлежали мне. Я прикрыл глаза и попытался оживить в памяти эти картины из снов. Мне хотелось хотя бы вспомнить нашу любовь. Лисана дорого за нее заплатила.

И в этом сосредоточенном прикосновении я вдруг ощутил, как след ее сущности мимолетно коснулся меня. Слабейший, словно луна,

истаивающая на ущербе. Бессильным жестом она велела мне отстраниться, но я лишь прижался к деревцу сильнее:

— Лисана? Неужели я ничем не могу тебе помочь? Если б не ты, я был бы уже мертв.

Я ощущал шершавость ее ствола лбом и так крепко обхватил деревце, что кора впивалась мне в ладони. Внезапно ее образ сделался более четким.

— Уходи, мальчик-солдат! Пока еще можешь уйти. Я отдала свою сущность этому дереву. Оно поглотило меня и стало мной. Но это не значит, что я могу сдерживать его потребности. Жить хотят все, но мое дерево хочет жить отчаянно. Уходи!

— Лисана, пожалуйста, я...

Раскаленная вспышка боли обожгла мою ладонь, отдавшись в запястье.

— Отойди! — вскрикнула она и с неожиданной силой оттолкнула меня прочь.

Я не упал — дерево уже слишком сильно вцепилось в меня. Из кожи лба выдернулись впившиеся в нее корни, и кровь багряной пеленой хлынула мне в глаза. Я заорал от ужаса и отчаянным рывком отпрянул от ствола. Из отдернутых ладоней неохотно высвободились красные от моей крови корешки. Они извивались и тянулись ко мне, словно голодные черви. Спотыкаясь, я отошел от дерева, затем стер рукавом кровь со лба и глаз и в ужасе уставился на истерзанные руки. Кровь сочилась из полудюжины ранок и стекала на землю, и с каждой каплей мох вокруг меня вздымался и вздрагивал. Крошечные древесные корни выползали из почвы и, извиваясь, тянулись к блестящей, словно алые ягоды, россыпи. Я прижал окровавленные ладони к рубашке и попятился.

У меня кружилась голова — от ужаса или потери крови. Деревце Лисаны попыталось съесть меня. Мои израненные руки ныли до запястий. Я задумался было, как глубоко корни впились в плоть, но отбросил эти мысли, когда меня накрыла волна головокружения. Я заставил себя отойти еще на пару шагов назад. Меня мучили слабость и тошнота — и подозрение, не сделали ли со мной корни что-то помимо того, что проткнули кожу и напились моей крови.

— Отойди подальше, Невар. Еще. Вот так. Уже лучше.

Древесная женщина казалась туманным подобием себя прежней. Я мог видеть сквозь нее, но ощущение присутствия стало сильнее. У меня все еще кружилась голова, но я повиновался, прохромав подальше от деревца.

— Сядь на мох. Дыши. Скоро тебе станет лучше. Каэмбры иногда питаются живыми существами, а чтобы те не сопротивлялись, одурманивают их. Ты сделал глупость. Я предупреждала тебя, что дерево в отчаянии.

— Разве это дерево не ты? Почему ты так со мной поступила?

Я чувствовал себя больным и преданным.

— Это дерево не я. Я живу его жизнью, но я — не оно, а оно — не я.

— Оно пыталось меня съесть.

— Оно пыталось выжить. Все пытаются выжить. И теперь оно сумеет. В каком-то смысле это справедливо. Я взяла его силы, чтобы помочь тебе. А оно отняло твои, чтобы спастись.

— Значит... теперь ты будешь жить? — Мой разум ухватил лишь самую суть.

Она кивнула. Я с трудом различал ее в ярком солнечном свете, но все же заметил печаль в ее глазах, плохо вяжущуюся с нежной улыбкой.

— Да, я буду жить. Столько, сколько проживет дерево. Я потратила большую часть накопленного, чтобы добраться до тебя в той камере, и мне потребуется немало времени, чтобы восстановить силы. Но того, что ты дал мне сегодня, пока хватит. Теперь я смогу дотянуться до солнца и воды. Пока со мной все будет хорошо.

— В чем дело, Лисана? Что ты недоговариваешь?

Она рассмеялась — звук, который я скорее ощутил, чем услышал.

— Мальчик-солдат, как тебе удастся знать так много и в то же время не знать ничего? Почему ты упорно остаешься разделенным надвое? Как ты можешь смотреть и не видеть? Никто этого не понимает. Ты используешь магию с беспечной властью, какой я прежде не встречала никогда. Однако не видишь правды у себя под носом.

— Какой правды?

— Невар, дойди до конца гребня и взгляни на этот свой Королевский тракт. Посмотри, куда он приведет, когда его проложат

дальше. А потом возвращайся и скажи мне, буду ли я жить.

Боль в кистях уже начала утихать. Я утер лоб рукавом и ощутил под ним шершавую корку. Магия снова исцеляла меня с невероятной быстротой. Я был ей благодарен, хотя и немного удивлен — не тем, что она смогла меня вылечить, а тем, как легко я принял ее помощь.

Полный дурных предчувствий, я отправился к краю гребня. Почва там была каменистой, а деревья совсем чахлыми. Я остановился на скалистом выступе, где рос лишь низкий кустарник, — отсюда можно было увидеть всю долину. В ней, как в огромной чаше, лежали древесные кроны, но в это зеленое море вторгался Королевский тракт, прямой как стрела. Он вонзался в лес, словно указующий перст, а по обе стороны от него кренились к земле желтеющие деревья, чьи боковые корни подрезала растущая дорога. Клубы дыма еще висели над навесом с инструментами — точнее, над его останками. Эпини все тщательно продумала. Она устроила три взрыва, чтобы отвлечь внимание от моего побега. Фургоны и волокуши под обвалившимся навесом превратились в гору дров и колес. Второе рухнувшее здание еще тлело, наполняя летний воздух горькой вонью. И у меня складывалось впечатление, что она взорвала одну из сточных труб. Дорога обрушилась, и вода, прежде протекавшая под ней, теперь сочилась между камнями и пенилась в грязи. Бригады рабочих уже выгребали слякотную почву, готовясь проложить для потока новую трубу. Им придется восстановить эту часть дороги, прежде чем углубляться в лес.

Моя кузина, девица нежного воспитания, нанесла такой удар, какой мне, вымуштрованному сыну-солдату, даже и не снился. И ей удалось хотя бы временно приостановить строительство Королевского тракта.

Но моя улыбка, вызванная ее успехом, тут же застыла гримасой. Эта дорога, прорезающая горы и стремящаяся к морю, — величайший замысел моего короля. С ее помощью он надеялся восстановить былое могущество Гернии.

А я с радостью смотрел на задержку в строительстве и разрушения. Как я мог?

Я снова взглянул вниз, на обрывающуюся дорогу. Она указывала прямо на меня. Нет, не совсем прямо. Она пересечет долину, взберется на холм, на котором я стою... я медленно повернул голову влево и посмотрел туда, откуда пришел. Древесная женщина. Лисана. Ее пень

и рухнувший ствол остались как раз на пути тракта. Если вырубка продолжится, она погибнет под ударами топора. Я вновь повернулся к дороге, и кровь застыла у меня в жилах. Там, где прервалось строительство, два только что рухнувших великана распростерлись в путанице сломанных ветвей. В падении они увлекли за собой деревья поменьше. Отсюда новая прореха в зеленом пологие выглядела словно болезнь, разъедающая живую плоть леса. И она устремлялась к дереву моей возлюбленной.

Я наблюдал за копошащимися внизу людьми. До меня не доносились их проклятия и выкрики, но я чуял дым вчерашнего пожара и видел поток фургонов и рабочих, трудившихся на дороге, точно муравьи, восстанавливающие разрушенный дом. Сколько времени им потребуется, чтобы привести в порядок дренажную канаву и дорогу? Несколько дней, при определенной усердии. А чтобы сделать новые фургоны и волокуши, возвести новый навес? Самое большее, несколько недель. Затем работа продолжится. Колдовской ужас, который напускали спеки, все еще сочился из леса, отпугивая рабочих и высасывая их волю. Но я сам, по собственной глупости, подсказал командующему фортм способ с этим бороться. Именно я предположил, что люди под воздействием спиртного и опиума будут не так остро чувствовать страх и смогут работать, невзирая на него. Я слышал даже, что теперь некоторые каторжане так страстно жаждали дурмана, что требовали отправить их на работу в конец тракта. Опоенные почти до бесчувственности, они проложат дорогу дальше в лес. И я сделал это возможным. Меня даже едва не повисили за это.

Я нехотя признал, что мое сердце все больше и больше склоняется к бедам леса. Раскол в моей душе углублялся. Я пока еще оставался гернийцем, но теперь этого уже было недостаточно, чтобы считать, будто тракт следует проложить любой ценой. Я оглянулся на пень древесной женщины. Нет. Для меня цена окажется слишком высокой. Строительство нужно остановить.

Как?

Я еще долго стоял на каменном выступе, наблюдая за рабочими внизу, пока день медленно клонился к вечеру. Даже с такого расстояния я видел, что они трудятся довольно вяло. Никто не спешил, мелкие происшествия то и дело вмешивались в ход работ. Полная камней повозка, пытаюсь развернуться слишком круто, опрокинулась и

высыпала весь груз. Часом позже другой фургон завяз в грязи, а третий возница, пытавшийся его обогнуть, загнал упряжку в канаву.

Однако, несмотря ни на что, работа продолжалась. Возможно, трубы заменят лишь завтра, и, наверное, еще через день поверхность дороги восстановят так, чтобы по ней снова стало возможно ездить. Но рано или поздно, словно трудолюбивые насекомые, они добьются своего. А потом двинутся дальше, безжалостно вгрызаясь в лес. Разве для меня имеет значение, когда они срубят ее дерево — на следующей неделе или три года спустя? Я должен их остановить.

Но как бы я ни мучился, придумать ничего не удавалось. Я побывал у полковника перед тем, как на нас обрушилась чума, и умолял его прервать строительство. Я объяснил ему, что деревья каэмбра священны для спеков и, если мы их срубим, нам грозит война на уничтожение с лесным народом. Он отмахнулся от меня и моих предостережений, назвав их глупыми предрассудками. Он полагал, как только мы срубим деревья и спеки уверятся, что ничего страшного не последовало, они с готовностью примут предложенные им блага цивилизации. Он ни на мгновение не допускал мысли, что в верованиях спеков может содержаться зерно истины.

Когда я спросил, не может ли дорога обогнуть рощу каэмбр, он указал мне, что инженеры разработали наилучший путь, проходящий мимо Геттиса и через горный перевал, которым некогда пользовались купцы. Годами Герния вкладывала огромные средства в строительство дороги именно здесь. Рассматривался и другой вариант, по которому тракт прошел бы через Менди и Крепость, чтобы выйти к Рубежным горам там. Но если развернуть дорогу, на воплощение королевского замысла уйдет еще несколько лет, не говоря уже о том, что средства, потраченные на строительство до Геттиса и дальше, окажутся выброшенными на ветер. Нет. Такая мелочь, как роща древних деревьев, не воспрепятствует грандиозному начинанию владыки Гернии.

Полковник умер, пав жертвой чумы спеков. Они нанесли ответный удар по тем, кто уничтожал их деревья, единственным доступным им способом — исполнив танец Пыли для приехавших с инспекцией высокопоставленных чиновников из Старого Тареса и заразив всех зрителей. И об этом я его тоже предупреждал. Если полковник и пересмотрел свое отношение к моим словам, он унес эти мысли в

могилу. Но даже если бы я мог вернуться в Геттис и поговорить с новым командующим, мои слова не произвели бы на него впечатления. Два мира, Гернии и спеков, просто не пересекались. Полковник даже не был способен понять, что спеки воюют с нами. Он считал, раз они каждый год приходят торговать с нами, значит мы достигли с ними своего рода согласия и они постепенно переймут наши обычаи. Каждый год во время этой торговли они атаковали нас, намеренно распространяя чуму.

Наши народы не могли прийти к согласию даже в том, что называть войной.

Я сомневался, что спеки понимали, насколько серьезный удар они нанесли нам последней вспышкой чумы. Болезнь поразила всех приезжих офицеров, находившихся на трибунах. Ее жертвой пал генерал Бродг, командующий армиями востока, а также его предшественник, почтенный генерал Прод. Эти потери отозвались эхом по всей Гернии. И в самом форту почти все офицеры заразились чумой, едва не оставив солдат без руководства. Командование Геттисом переходило из рук в руки трижды за месяц. Майор Белфорд, принявший его последним, никогда прежде не возглавлял гарнизон. Хотелось бы мне знать, озаботится ли король тем, чтобы сменить его, и кто теперь примет командование над армиями востока. Кто вообще захочет занять этот пост. Но эти вопросы теперь меня не касались. Я больше не солдат. Я даже не был уверен, герниец ли я.

Во мне медленно зрело решение: я должен остановить строительство тракта не только ради того, чтобы сохранить жизнь древесной женщине, но ради обоих народов. Я должен сделать его продвижение невозможным, чтобы король Тровен либо отказался от замысла, либо приказал отклониться на север, через Менди и Крепость. Когда король направит усилия на новый путь, Геттис потеряет свое стратегическое значение. Его, быть может, вообще оставят. И это положит конец войне между гернийцами и спеками. Возможно, мы сможем вернуться к мирной торговле, или еще лучшим выходом станет, если все отношения между моими народами угаснут.

Казалось, с моего разума сорвали пелену. Время взывать к здравому смыслу обоих народов прошло: я должен просто уничтожить дорогу. Не слишком детальный план, но даже он вызвал у меня душевный подъем. С другой стороны, я чувствовал себя слегка по-

дурачки. Почему я не находил в себе подобной решимости прежде? Впрочем, ответить на это было несложно. Даже если теперь я знал, чего хочу, я не имел ни малейшего представления о том, как этого добиться. Мало смысла в том, чтобы собираться сделать невозможное. Невозможное для обычного человека, владеющего обычными средствами. Но я ведь больше не обычный человек, верно? Я подчинился магии и принял ее поручение. Я, Невар Бурвиль, собираюсь уничтожить Королевский тракт.

Затем мне и дана магия. Лисана и Джодоли, встреченный мной великий маг спеков, — оба настаивали, что я обязан прогнать гернийских захватчиков. Они твердили, что магия выбрала меня и сделала великим именно ради этого. Вывод напрашивался сам — я должен использовать чары, чтобы остановить строительство тракта.

Чего я так до сих пор и не знал — как я это сделаю.

Магия росла внутри меня, словно плесень, пожирающая плод, с тех пор как мне исполнилось пятнадцать. Несколько лет она пряталась так, что я совсем не замечал ее. Только отправившись из родного дома в Академию, я начал чувствовать внутри себя присутствие чего-то чуждого и странного. И лишь после того, как я переболел чумой спеков, магия принялась изменять мое тело. Она окутала меня слоем жира, навлекшим на мою голову поток насмешек и презрения, и испортила не только мою внешность, но и военную карьеру. Однако за все те годы, что она владела мной и преображала меня, мне лишь несколько раз удалось использовать ее в собственных целях. По большей части она пользовалась мной.

Она прибегала ко мне, чтобы шпионить за моим народом, чтобы лучше понять захватчиков и то, как их одолеть. Чтобы принести чуму в столицу и Академию каваллы, уничтожив целое поколение будущих офицеров. И снова — чтобы узнать, когда лучше нанести удар по Геттису, стерев с лица земли проводящих инспекцию офицеров и знать с запада.

Всякий раз, когда мне удавалось использовать магию, даже с самыми благими намерениями, она находила способ обернуться против меня. Лисана и разведчик Хитч предостерегали, чтобы я не пытался прибегать к ней ради собственной выгоды. Пожалуй, единственное, что я выяснил о ее действиях, — это что она вспыхивает в ответ на мои чувства. Ни доводы, ни волевые усилия не способны ее